

Екатерина Мордвинцева

РАЗВОД С ДРАКОНОМ
кувыркком в другой мир

Екатерина Мордвинцева

**Развод с драконом.
Кувыркком в другой мир**

«Литнет»

2026

Мордвинцева Е.

Развод с драконом. Кувырком в другой мир / Е. Мордвинцева —
«Литнет», 2026

Сижу себе, никого не трогаю и вдруг... Всё в нашем мире изменчиво. Порой настоящее чудо ждёт нас совсем рядом, а мы этого даже не подозреваем. Вот и я не думала, что в одночасье окажусь не просто в другом мире, а ещё и другом теле. И теперь я — нелюбимая жена дракона, которую отправили в изгнание. Что ждет меня впереди? Я не знаю, но точно поборюсь за своё счастье! А чего это муженёк объявился? Ещё и рычать мне тут надумал. Не на ту напал! Я быстро хвост на кулак намотаю и заставлю танцевать! Будешь знать, как от жены избавляться!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	26
Глава 11	28
Глава 12	31
Глава 13	34
Глава 14	37
Глава 15	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1

— Кристоф, молю тебя, не горячись! — кружила по тронному залу матушка в надежде вразумить меня.

— Нет! Я принял решение: развод с Вирджинией свершенный факт. Я не намерен отступать.

— Но, сынок, все можно исправить. Подумай, что скажут твои подданные, когда узнают об этом. Какой ты король, если даже свою семью убереечь не смог?

— Все и так знают, какой я правитель. Мне незачем кому-то что-то доказывать. Я жить под одной крышей с женщиной, которую дракон готов порвать на клочки, куда хуже.

— Ты преувеличиваешь. Мы с твоим почившим отцов ведь тоже не были истинной парой. Увы, не каждому дано найти ее.

— Я не мой отец! Ему повезло с вами.

— Думаешь, он никогда об этом не жалел? Какой дракон готов довольствоваться тем, что у него всего один отпрыск. Я, будучи не истинной парой, не смогла больше родить. Такова природа. Только истинная может обеспечить род драконов множеством отпрысков. Вот и вам с Вирджинией стоило родить ребенка.

— Матушка, давайте мы с вами закроем эту тему и не будем боле поднимать ее. Я развожусь! И точка!

Вдовствующая королева устало вздохнула, одарив меня осуждающим взглядом. Я знаю, что она волнуется за меня, но я уже далеко не дитя, чтобы идти против своих решений. Да и к чему мучать жену, изводя ее понапрасну.

Наш брак изначально был ошибкой. Дочь влиятельной и знатной семьи Тэрзэнвид, баронесса была подходящей кандидатурой на роль будущей королевы. Острый ум, ладная фигура, красивое лицо — что еще желать любому мужчине? Я искренне надеялся, что со временем если и не полюблю Вирджинию, то хотя бы начну испытывать к ней симпатию и уважение. Увы...

Мы не встречались с ней прежде и впервые увиделись лишь на церемонии бракосочетания. Тогда я списал реакцию дракона на то, что я просто устал от государственных дел, поэтому и воспринял невесту в штыки. Дракон бунтовал, требовал свободы. Ему хотелось одного — порвать ее на куски.

С тех пор я ни разу не обращался. Уже год держал дракона «в узде». Но так не может длиться вечно. Делить с ней одно ложе было невыносимо, супружеский долг стал настоящей пыткой. Поэтому я пришел к выводу — развод.

— Главное, не ошибись, сынок, — матушка провела рукой по моим волосам. — Возможно, для начала стоит сослать ее в храм? Пусть побудет вдали. А там, если ничего не изменится, то и попросишь развода у жреца.

В ее словах несомненно было зерно истины, к которому стоило прислушаться. Может и правда отправить Вирджинию в какой-нибудь отдаленный храм? Пусть поживет там месяц-другой, а там и разведемся.

Матушка удалилась, оставив меня в тяжелых думах. Я еще долго сидел в тронном зале, размышляя над ее словами. Как же мне хотелось, чтобы все было иначе. Но мне не посчастливилось встретить истинную. Это вообще редкость. Одному из сотни драконом так везет, остальные довольствуются малым. Кто-то и вовсе встречает пару лишь приблизившись к смертному одру.

Стоило поговорить с Вирджинией. Все же хотелось, чтобы наше расставание обошлось без сцен и проклятий. Хотя мы и вряд ли останемся друзьями, но хотя бы не будем друг друга ненавидеть.

Решив больше не ждать, я вышел из тронного зала. Пара стражников тут же последовали за мной.

— Где Ее Величество?

— Она отправилась на конюшню, — вытянулся по струнке один из стражников.

Я тяжело вздохнул. Совсем не хотелось идти на конюшню. Лошади очень остро реагируют на присутствие рядом дракона — начинают бунтовать, нервничать. Но и дальше откладывать разговор я не видел смысла.

Как и ожидалось, кони почуяли меня издалека. Громкое фырканье и топот из копыт я уловил еще будучи в саду. Мне порой становится жаль животных — нелегко им рядом со мной. Я уже ни раз задумывался о том, что стоит перенести конюшню подальше.

Завидев меня, конюх тут же склонился к самой земле.

— Приветствую вас, Ваше Величество! — отчеканил он, не смея поднять головы.

— Королева здесь?

— Ускакала к реке.

— Одна?

— Никак нет, Ваше Величество. С ней дюжина стражников.

— Давно? — коротко осведомился я.

— Минут сорок назад.

Недовольный ответом, едва ли не прорычал вслух. С трудом сдержал свое негодование.

— Как только вернется, сообщите, что я требую ее немедленно визита в мой рабочий кабинет.

— Будет сделано, Ваше Величество, — все так же не разгибаясь, выдал конюх.

Размашистым шагом вернулся в замок, злой как сотня бешеных гарвэлов (*Гарвэл — порождение Бездны, которое своим криком наводит неконтролируемый ужас, а их укусы может парализовать на несколько часов. Беззащитное тело гарвел утаскивает в Бездну на корм своим личинкам. Внешне гарвел неприятен: тело напоминает смесь человеческого и собачьего, которое обтягивает провисающая синюшная кожа, от которой исходит зловонный запах. В пасти острые клыки в два ряда, имеют три глаза, один из которых находится на затылке. Задние лапы завершены похожи на животные, имеют мягкие мохнатые подушечки, что обеспечивает их движения бесшумностью. Передние лапы похожи на пальцы с острыми длинными когтями, способными разрезать плоть. Когти способны втягиваться и выпускаться за долю секунды при необходимости.)

Ждать пришлось долго. Жена явно решила испытать мое терпение. Когда же солнце коснулось горизонта, сил моих больше не осталось. Смахнув со стола бумаги в порыве ярости, я выпущенной из арбалета стрелой направился в покои супруги. Слуги, видя мое состояние, разбежались подобно крысам на тонущем корабле.

Резким толчком открыл дверь, отчего та с грохотом ударилась о стену. Вирджиния, казалось, этого даже не заметила. Сидя перед туалетным столиком, она мерно расчесывала свои густые волосы, меланхолично глядя в отражение.

— Я, кажется, ясно дал понять, чтобы ты явилась в мой кабинет! — рявкнул так, что зазвенела люстра под потолком.

— А зачем? Явно ведь, Ваше Величество, вы звали меня не для праздной беседы. Так к чему спешить?

— Приказы короля не обсуждаются, а исполняются беспрекословно! И любой, кто с этим не согласен, может лишиться головы!

— Вот как? — усмехнулась Вирджиния. — Знаете, Ваше Величество, возможно, для меня это будет и лучше, чем жить так. — Она резко встала и повернулась ко мне, глядя прямо в глаза с вызовом. — Зачем вы мучаете меня? Вы ведь знали, что мне претил этот брак, но все равно согласились на него. Так чего вы теперь хотите от меня? Любви? Послушания?

Глава 2

Ветер, пахнувший дождём и хвоей, бил в лицо, но Вирджиния лишь втягивала этот воздух полной грудью, как узник, которому в последний раз позволили взглянуть на небо. Под копытами её гнедой кобылы по имени Искра мягко шуршала трава, уходящая под откос к серебряной ленте реки Лоран.

«Беги, лети, не оглядывайся,» — стучало в висках в такт скачке. Дюжина стражников, растянувшаяся позади, была не охраной, а почётным конвоем в тюрьму. Она это знала. Они знали. Все делали вид, что это обычная прогулка королевы.

Она пришпорила Искру, вырвавшись чуть вперёд, подальше от звуков тяжёлого дыхания лошадей и звяканья доспехов. Ей нужно было остаться наедине с этим местом в последний раз.

Здесь, на этом самом лугу, пятнадцать лет назад семилетняя Вирджиния, запустив слишком высоко бумажного змея, впервые осознала, как безграничен мир за стенами родового поместья. Здесь же, шесть лет спустя, она тайком читала томик стихов, подаренный молодым, пылающим идеями лордом Себастьяном, и сердце её билось не от строк, а от мысли, что есть жизнь без скучных генеалогий и брачных контрактов.

А год назад, уже королевой, она примчалась сюда в слепой ярости после очередного леденящего душу «супружеского» ужина с мужем, чей взгляд скользил по ней, как по неодушевлённой мебели. Тогда она кричала в пустоту, пока голос не сорвался, а потом просто лежала в высокой траве, смотря, как проплывают облака, и мечтая раствориться в них.

Искра, почуввав замедление, сама перешла на шаг, фыркнув. Вирджиния сползла с седла, отпустила поводья — кобыла была умна и никуда не уйдёт. Платье из тончайшей шерсти, цвета увядшей сирени, мгновенно собралось на подоле росу и семена репейника. Ей было плевать.

Она подошла к самому обрыву. Внизу, в пятнадцати метрах, река Лоран пела свою вечную, неспешную песню. Вода была тёмной, холодной, даже в летний зной. Говорили, её источник в ледниках далёких северных гор.

«А что, если шагнуть?»

Мысль возникла не впервые. Не со страхом, а с ледяным, почти математическим любопытством.

«Быстро? Больно? Или просто тишина?»

— Ваше Величество, не подходите так близко к краю. Опасно.

Голос капитана Гаррета, хриплый от возраста и табака, донёсся сзади. Он не подъехал, соблюдая дистанцию, но его беспокойство было искренним. Старый солдат исполнял долг, даже если этот долг — сопровождать опальную королеву в ссылку.

Вирджиния обернулась. Её лицо, обычно застывшее в маске высокомерного спокойствия, сейчас было просто усталым.

— Капитан. Что такое опасность для того, кого уже приговорили?

Гаррет смягчил свой обычно суровый взгляд.

— Храм Святой Росалинды не смертный приговор, Ваше Величество. Это возможность для размышлений.

— Размышлений о чём? — её голос прозвучал с лёгкой, горькой иронией. — О том, как искусно я провалила свою единственную миссию? О том, как мой собственный дракон-супруг предпочёл бы видеть мой труп, чем моё лицо за завтраком?

— Ваше Величество... — Гаррет умолк, не зная, что сказать. Утешать он не умел.

— Не беспокойтесь, капитан. Я не собираюсь лишать вас работы и устраивать сцену, — она отвернулась к реке. — Просто дайте мне немного времени. Последнего.

Она услышала, как он отъехал, отдав приказ стражникам рассредоточиться. Их почти не было видно среди деревьев. Хорошо.

Вирджиния опустилась на колени у самого края обрыва. Земля была влажной и прохладной. Она запустила пальцы в густую траву, вырывая с корнем несколько стебельков мяты. Резкий, чистый аромат ударил в нос. Она закрыла глаза.

Кристоф.

Огромный, могучий, прекрасный, как грозовая туча. И холодный, как лёд в этой реке. Его дракон ненавидел её с первого взгляда. А он даже ненавидеть не утруждался. Было равнодушие. И раздражение. И желание поскорее избавиться.

Она не винила его. Не полностью. Их брак был сделкой, а она — неудачным товаром. Дочь влиятельного дома, которую не смогли даже «продать» удачно. Её остроумие раздражало придворных, её независимость пугала, а её неспособность пробудить в короле-драконе даже тень страсти стала предметом презрительных шушуканий.

Она боролась. Пыталась быть холодной, как он. Пыталась быть острой, как отточенный клинок. Пыталась просто исчезнуть, стать тенью. Ничто не работало. Её душа, задыхающаяся в этом золотом, ледяном дворце, медленно угасала.

Ссылка в храм... Это была не ссылка. Это отсрочка. Месяц, два, а потом официальный развод. Позор, который окончательно похоронит и её, и весь её род. Она станет изгоем, монахиней, вечной заключённой в каменных стенах, пусть и святых.

В её сумочке, притороченной к седлу, лежало маленькое, изящное кинжальное перо. Подарок отца на шестнадцатилетие. «Для защиты чести, дочь,» — сказал он тогда. Ирония была горче полыни. Честь? Какая честь может быть у отвергнутой жены?

Она снова посмотрела на воду. Тишина там внизу манила. Окончателность. Свобода от интриг, от ожиданий, от этого невыносимого тела, которое никто не хотел, и этой души, которой не было места нигде.

Но нет. Не так. Не побег в смерть из страха. Если уж уходить...

Она поднялась, отряхнула платье. Лицо её было спокойно, почти безмятежно. Решение созрело, кристаллизовалось, стало твёрдым и ясным, как вода в горном ручье.

Она вернулась к Искре, ласково потрепала её по шее.

— Последний раз, девочка, — прошептала она. Потом взобралась в седло с привычной, отточенной грацией.

— Капитан Гаррет! — её голос прозвучал чётко, по-королевски.

Тот немедленно подъехал.

— Ваше Величество?

— Я готова. Вернёмся. Нам предстоит долгий путь до замка, а завтра... — она позволила себе тонкую, почти невидимую улыбку, — завтра начинается наше путешествие в храм. Я с нетерпением жду дороги. Говорят, виды по пути захватывающие.

Гаррет удивлённо взглянул на неё. Он ожидал слёз, истерики, ледяного молчания. Но не этого странного спокойствия.

— Как прикажете, Ваше Величество, — пробормотал он и отдал приказ строиться.

Они поехали обратно шагом. Вирджиния сидела в седле прямо, как будто на параде, окидывая взглядом леса и поля, прощаясь с ними не взглядом отчаяния, а взглядом человека, составившего план.

«Путь в храм долог и опасен,» — думала она, глядя на спины стражников. — «Разбойники, гарвэлы, несчастные случаи... Всё может случиться в дороге.»

Она не боялась смерти. Она боялась продолжения этой мучительной пародии на жизнь. И если судьба или чья-то злая воля предоставят ей шанс вырваться — не важно, в небытие или в иную форму свободы — она его не упустит.

А до тех пор она будет играть свою роль до конца. С холодным достоинством отвергнутой королевы. Последний акт спектакля её жизни.

На горизонте показались зубцы королевского замка. Тюрьмы. Её тюрьмы. Она вздохнула, и в этом вздохе было больше облегчения, чем тоски.

Конец дороги был близок. В любом смысле.

Глава 3

Солнце уже клонилось к закату, отливая кровью и золотом зубчатые стены замка, когда Вирджиния, сдав Искру на попечение молчаливому конюху, направилась в свои покои. Каждый шаг по знакомым, выложенным мозаикой коридорам отдавался в висках глухим гулом. Спокойствие, обрётённое у реки, ещё не покинуло её, но теперь это была не безмятежность, а холодная, отточенная решимость, как у клинка перед боем.

Она почти дошла до дверей своих апартаментов, когда из-за поворота, словно материализовавшись из самой тени, вышел он.

Кристоф.

Он не шёл, он наступал. Широкий, заполняющий собой пространство коридора, в простой, но безупречно сидящей на нём темной куртке и сапогах. Его лицо было каменной маской, но в глазах, цветом похожих на ту самую воду в Лоране, бушевала буря. И не ярость даже, а что-то более глубокое — отвращение, смешанное с невыносимой усталостью.

Дракон. Она не видела его, но чувствовала всегда — гигантское, древнее присутствие где-то за его плечом, в ином измерении. Оно всегда смотрело на неё. И всегда хотело её разорвать.

Вирджиния остановилась, не опуская головы. Её стражи замерли в почтительном отдалении, превратившись в статуи.

— Вирджиния, — его голос был низким, без эмоций, как удар тупым лезвием. Он не использовал титул. Это уже было приговором.

— Ваше Величество, — откликнулась она, и её собственный голос прозвучал удивительно ровно. — Вы искали меня?

— Мой кабинет. Сейчас.

Он развернулся и пошёл прочь, не сомневаясь, что она последует. Так оно и было.

Они шли по замку в ледящем молчании. Слуги, завидев их, растворялись в боковых дверях, словно испаряясь. Атмосфера была настолько густой, что, казалось, можно воткнуть в неё нож.

В его рабочем кабинете пахло кожей, старым пергаментом и дымом камина. Он не предложил ей сесть. Сам облокотился о массивный стол, заваленный картами и свитками, скрестив руки на груди. Он изучал её, и его взгляд скользил по её лицу, волосам, слегка запачканному росой подолу платья — будто искал изъян, за который можно было бы ухватиться.

— Матушка говорила с тобой? — спросил он наконец.

— Вдовствующая королева почтила меня своим вниманием сегодня утром, — ответила Вирджиния. — Мы беседовали о погоде. И о том, как тяжело быть чужим в собственном доме.

Его бровь дрогнула — единственный признак раздражения.

— Хватит играть в слова. Ты знаешь, о чём я.

— О разводе? Да, знаю. Весь замок уже перешёптывается об этом. Вы могли бы сэкономить время и объявить об этом публично. Сэкономило бы и мне, и вам нервы.

Он оттолкнулся от стола, сделав шаг вперёд. Казалось, воздух затрещал от напряжения.

— Ты думаешь, мне это доставляет удовольствие?

— О, не сомневаюсь, — её губы искривились в улыбке, лишённой всякой теплоты. — Избавление от неудачной покупки всегда праздник для покупателя.

— Ты не покупка! — его голос прорвался, громовой раскат, от которого задрожали стёкла в высоких окнах. Он сдержался, понизив тон, но каждый звук теперь был как отточенная сталь. — Ты была союзом. Надеждой. Которая не оправдалась. Ни твоей, ни моей вины в этом нет. Есть лишь факт. Мы не можем быть вместе.

— «Не можем» или «не хотим»? — парировала она, поднимая подбородок. — Ваш дракон решил за вас, Ваше Величество? Он нашёл мне замену? Более достойную его величия?

Он сжал кулаки. Сухожилия на его руках напряглись.

— Не смей говорить об этом. Ты ничего в этом не понимаешь.

— Понимаю! — её спокойствие дало трещину, голос взлетел на грань истерики, которую она тут же подавила, заговорив с ледяной чёткостью. — Я понимаю, что целый год я была твоей женой лишь на бумаге. Что каждую ночь я лежала в трёх шагах от тебя и чувствовала, как твоё существо, твой зверь рычит на меня из темноты. Что ты касался меня, будто отряхиваешь пыль с плаща. Я всё понимаю, Кристоф. И я устала.

Он замер, поражённый. Она никогда не говорила об этом вслух. Никогда не называла вещи своими именами. Их брак был немой пыткой по взаимному согласию.

— Так чего же ты хочешь? — спросил он тихо, и в его голосе впервые зазвучало что-то кроме гнева, усталое недоумение.

— Я хочу перестать быть проблемой, которую нужно решать, — сказала она, и её слова прозвучали с убийственной искренностью. — Ты принял решение? Так озвучь его. Не мучь меня больше.

Он долго смотрел на неё, будто впервые видя. Видя не холодную, язвительную аристократку, а измождённую, загнанную в угол женщину.

— Ссылка, — выдохнул он наконец. — Храм Святой Росалинды в Северных Утёсах. Ты пробудешь там пока не решится твоя дальнейшая судьба и судьба нашего союза.

Утёсы. Край света. Место, куда ссылают провинившихся монахинь и политических неугодных. Холод, скалы, вечный шум ветра и моря.

Вирджиния кивнула, как будто он сообщил ей о погоде на завтра.

— Когда?

— Завтра на рассвете. Капитан Гаррет и его люди сопровождают тебя.

— Быстро, — заметила она. — Боишься, что я передумаю? Или что твой дракон не выдержит ещё одной ночи под одной крышей со мной?

— Вирджиния... — в его голосе прозвучало предостережение.

— Не беспокойся, Ваше Величество. Я не стану чинить препятствий. Я устала бороться с ветряными мельницами. С мечтами об иной жизни, — её взгляд стал отстранённым, она смотрела куда-то через его плечо, в потухающие угли камина. — Храм — это, наверное, к лучшему. Тишина. Покою. Никаких ожиданий.

Её покорность была страшнее любой истерики. Кристоф почувствовал странный, непонятный укол — не жалости, а чего-то неловкого, словно он совершил несправедливость, но не мог понять, в чём именно.

— Ты можешь взять с собой личные вещи. Что сочтёшь нужным, — сказал он, и это прозвучало почти как попытка не смягчить, так предложить хоть какую-то соломинку.

— Благодарю, — ответила она механически. — Если всё решено, позвольте удалиться. Мне нужно подготовиться.

Он молча кивнул.

Она развернулась и пошла к двери, её фигура в промокшем у подола платье казалась невероятно хрупкой на фоне мрачного великолепия кабинета. Рука уже лежала на тяжёлой дверной ручке...

— Вирджиния.

Она остановилась, не оборачиваясь.

— Я надеялся, что будет иначе, — проговорил он, и эти слова, сорвавшись с его языка, казалось, удивили его самого.

Она обернулась. На её лице снова играла та же тонкая, печальная улыбка, что и у реки.

— Мы все на что-то надеемся, Ваше Величество. Но драконы, как и люди, редко меняют свою природу. Счастливого вам пути. Вам ещё предстоит найти свою истинную пару. А мне... Мне предстоит дорога.

Она вышла, мягко закрыв за собой дверь.

Кристоф остался один в стремительно темнеющем кабинете. Он подошёл к камину, сжав виски пальцами. Внутри, в глубине его сознания, его дракон, наконец-то, затих. Не с облегчением, а со странным, зловещим спокойствием. Как будто наблюдал, как захлопывается клетка.

А где-то по другую сторону двери, в полумраке коридора, Вирджиния прислонилась к холодной каменной стене, закрыв глаза. В её сухом горле стоял ком. Не из-за слёз. Слёз не осталось.

«Завтра, — подумала она, открывая глаза. В них горел холодный, решительный огонь. — Завтра начинается моя дорога. И каким бы ни был её конец, он будет моим выбором.»

Она оттолкнулась от стены и пошла к своим покоям, чтобы собрать вещи в свою последнюю, самую важную поездку.

Глава 4

Капитан Гаррет Рендал не любил это задание. Оно пахло придворными интригами, женскими слезами и личной неудачей — его, двадцатипятилетнего ветерана Пограничных Стичек, героя отражения рейда гарвэлов у Чёрного брода! А теперь он должен был исполнять роль няньки для отвергнутой королевы, которую везут в монастырскую ссылку. Это было постыдно.

Он стоял в казарменном дворе на рассвете, кутая нос в воротник плаща от колючего, сырого ветра. Небо было свинцовым, обещая не дождь, а долгую, нудную морось — идеальный фон для всего этого действа.

Перед ним кучкой переминались с ноги на ногу те, кого он с горем пополам наскреб в сопровождение.

Мартин, он же «Сопливый». Мальчишка лет восемнадцати, три месяца как принял присягу. Глаза круглые, полные страха перед всем на свете, особенно перед Гарретом. Из него был хорош разве что посыльный.

Борн, он же «Борода». Старый солдат, отслуживший свой срок, но оставшийся при замке из-за раны в колене, не дававшей ему ходить строем. Вечно хмурый, вечно недовольный, вечно пахнущий дешёвым бренди. Надёжен в рукопашной, если не успеет напиться.

И двое братьев Ларсов, Эдгар и Элвис. Деревенские увальни, нанятые в стражу месяц назад за их рост и силу. Тупы, как пробки, но послушны. Гаррет сомневался, что они вообще понимают, кого и куда везут.

— Вот и весь цвет королевской гвардии, — мрачно пробормотал Гаррет себе под нос, обходя строй. — Слушайте, и слушайте внимательно. Наша задача — доставить одну высокопоставленную даму в Храм Святой Росалинды. Без происшествий. Без задержек. Без лишних разговоров. Вы — эскорт. Вы охраняете. Вы не любопытствуете. Выполняете приказы. Понятно?

— Так точно, капитан! — звонко, срываясь на визг, выкрикнул Мартин. Борн хмыкнул. Братья Ларсы переглянулись и кивнули в унисон.

— Мартин, ты везешь поклажу. Борн, везешь провиант. Братья, вы — фланговое охранение. Я веду даму. Построились у Малых ворот через полчаса. Кто опоздает — будет мыть отхожие ямы до следующего полнолуния. Разойдись!

Пока его «элитный» отряд разбрелся, Гаррет направился в караульную, чтобы получить последние инструкции и, что важнее, суточное довольствие. Дежурный офицер, молодой лордик с усиками, смотрел на него с нескрываемой жалостью.

— Вот твой маршрут, капитан, — протянул он пергамент. — Обычная дорога на север. Ночлег здесь, здесь и здесь. В таверне «Горный орёл» уже предупреждены.

— Почему не по Королевскому тракту? — хмуро спросил Гаррет, тыча пальцем в карту. Выбранный путь был длиннее и проходил через глухие лесные участки.

— Приказ свыше, — пожал плечами офицер. — Тракт слишком людный. Чтобы избежать лишних взглядов и пересудов. Для блага дамы, как я понимаю.

«Для блага, чтобы побыстрее сбыть с рук и поменьше свидетелей,» — язвительно подумал Гаррет. Всё это дело пахло гнильцой. Но приказ есть приказ.

— Довольствие? — спросил он вслух.

— Стандартный паёк на пятерых на неделю. Плюс отдельный паек для дамы. Скромный, но достаточный.

Офицер указал на два тощих мешка у стены. Гаррет вздохнул. Этого хватит, если не есть досыта. И никаких лишних запасов на случай непогоды или задержки.

— Оружие?

— При вас же есть.

— Ясно, — буркнул Гаррет, хватая мешки. Всё было сделано наспех, кое-как. Будто от него хотели просто избавиться вместе с его подопечной. Чувство унижения снова накрыло волной.

У Малых ворот, которые использовали для вывоза мусора и тайных вылазок, его уже ждали. Мартин нервно переминался рядом с двумя выючными лошадьми. Борн, прислонившись к стене, жевал соломинку. Братья Ларсы о чём-то тихо спорили.

И она.

Королева Вирджиния стояла в стороне, закутанная в простой, тёмно-серый дорожный плащ с капюшоном. Лица почти не было видно. Рядом с ней лежал один-единственный, не по-королевски маленький, кожаный саквояж. Всё её имущество. Она смотрела не на них, а куда-то в сторону предрассветных полей, и её поза была неестественно прямой, как у человека, который боится расслабиться и развалиться.

— Садитесь, Ваше Величество, — неуклюже бросил Гаррет, указывая на самую спокойную из лошадей — мерина по кличке Буян, которого выбрали именно за его флегматичность.

Она молча кивнула и, не дожидаясь помощи, ловко, несмотря на неудобную одежду, вскочила в седло. Это был жест человека, привыкшего к лошадям. Маленький, но первый признак, что она, возможно, не будет самой большой обузой в этом путешествии.

Гаррет вздохнул и вскочил на своего вороного жеребца.

— По коням! Вперёд! Мартин, не отставай с поклажей!

Малые ворота со скрипом открылись, пропуская их в серую, влажную мглу начинающегося дня. Дорога, сначала выложенная камнем, быстро сменилась грунтовой колеёй. Гаррет ехал впереди, чувствуя на спине тяжесть ответственности, которой он не хотел. За ним, сохраняя дистанцию, — королева. Позади ковыляли с поклажей и братья Ларсы по бокам. Борн замыкал шествие, время от времени доставая флягу.

Никто не разговаривал. Слышен был лишь стук копыт, скрип сёдел, да далёкий крик одинокой вороны. Это была не процессия, а похоронная команда, везущая ещё живого человека к месту его заточения.

Гаррет украдкой оглянулся. Из-под капюшона на него смотрели два бледных пятна — её глаза. В них не было ни страха, ни гнева. Была лишь та же ледяная, отстранённая решимость, что и вчера у реки. И в них мелькнуло что-то, от чего у капитана, выдавшего виды, похолодело внутри.

Не покорность. Не смирение.

А вызов.

Он резко отвернулся и прищипорил коня, будто пытаясь ускакать от этого взгляда. Задание, которое казалось ему просто унижительным, начало отдавать смутной, необъяснимой тревогой.

А высоко на стене замка, в окне своей приёмной, стоял лорд Мелвин, первый советник. Он наблюдал, как маленькая, жалкая кавалькада растворяется в утреннем тумане. На его лице не было ни жалости, ни злорадства. Был холодный, расчётливый интерес.

— Дорога длинная, капитан Гаррет, — тихо проговорил он. — И в лесах водятся всякие опасности. Соблюдайте осторожность.

Он отвернулся от окна. Первый ход был сделан. Оставалось ждать, когда сработают другие.

Глава 5

Первые несколько часов пути прошли в гнетущем молчании, нарушаемом лишь фырканием лошадей да отрывистыми командами Гаррета. Дорога вилась между невысоких холмов, поросших чахлым кустарником. Небо так и не прояснилось, морось перестала, но влага висела в воздухе, пропитывая плащи и заставляя металл доспехов холодно прилипать к телу.

Вирджиния сидела в седле Буяна, отключившись от происходящего. Она превратилась в пассивный груз, лишь изредка поправляя поводья. Её мысли были далеко или, наоборот, слишком близко, сконцентрированы на внутренней решимости, как клинок в ножнах. Каждый удар копыт о сырую землю отмерял шаги к неизвестности, и с каждым шагом странное спокойствие внутри неё только крепло.

К полудню Гаррет скомандовал остановку на краю покинутого луга у лесной опушки.

— Привал. Полчаса. Мартин, дай людям поесть. Борн, осмотри окрестности.

Мартин, красный от напряжения, стал развязывать мешки с провиантом. Братья Ларсы сразу уселись на корточки, с видимым облегчением потирая затекшие ноги. Борн, кряхтя, отправился к краю леса, делая вид, что осматривает чащу.

Гаррет подошёл к Вирджинии, которая не спешила слезать с коня.

— Ваше Величество, нужно подкрепиться.

Она медленно повернула к нему голову.

— Я не голодна, капитан.

— Приказ — делать регулярные привалы. Для коней и для людей, — настаивал он, избегая смотреть ей в глаза. Её ледяное спокойствие било по нервам хуже, чем слёзы.

Она молча слезла, отойдя в сторону и прислонившись к стволу старой берёзы. Мартин, запинаясь, принёс ей кусок чёрствого хлеба, полоску вяленого мяса и маленький бурдюк с водой. Она взяла это с кивком, но не стала есть, лишь сделала глоток воды.

Гаррет наблюдал за своим «отрядом». Мартин, жуя, с тоской смотрел в сторону замка. Борн вернулся, сообщив, что вокруг тихо, и тут же улёгся на плащ, прикрыв глаза. Братья Ларсы что-то жарко, но тихо обсуждали, судя по жестам, достоинства какой-то деревенской девицы.

«Профессионалы, черт бы вас побрал,» — мысленно выругался капитан. Он чувствовал, как авторитет тает с каждым часом этой пародии на путешествие. Никакой дисциплины, только формальное подчинение.

— Собираемся! — рявкнул он раньше, чем планировал, от нетерпения. — Ещё много пути впереди.

Во второй половине дня дорога углубилась в лес. Старый, хвойный, он встретил их густым полумраком и давящей тишиной. Даже птицы почти не пели. Воздух стал холоднее, пахнувшим хвоей и прелой листвой. Колея сузилась, заставляя ехать почти гуськом.

Именно здесь Вирджиния впервые проявила интерес к окружающему миру. Её взгляд скользил по могучим стволам, затянутым мхом, по валежнику, по редким лучам света, пробивавшимся сквозь крышу из ветвей. Не с любопытством, а с оценкой. Как будто искала что-то.

— Место какое-то недоброе, — пробормотал Эдгар Ларс, украдкой прижимая крепче оружие.

— Тише ты, — огрызнулся его брат, но и сам нервно озирался.

Гаррет подавил желание их приструнить. Он и сам чувствовал лёгкий холодок по спине. Лес был слишком тихим. Слишком наблюдающим.

Незадолго до заката они выехали на небольшую поляну, где стоял покосившийся указатель. На нём едва читалось: «К «Трёх соснам» — 2 лиги». Это была та самая придорожная таверна, обозначенная на карте как место первой ночёвки.

Таверна «Три сосны» оказалась убогим, длинным строением из почерневших брёвен с низкой, заросшей мхом крышей. Из трубы вяло валил дым. Перед ней были привязаны пара тощих лошадей и пустая телега.

Гаррет, облегчённо вздохнув, спешился.

— Ночуем здесь. Мартин, займись лошадьми. Борн, договорись о ночлеге и ужине. Вы двое, — кивнул на братьев, — осмотрите периметр. Ничего подозрительного.

Он помог Вирджинии сойти с седла. Её жест отказа застрял на полпути, и она позволила, словно сила воли наконец начала иссякать от усталости. Её пальцы, коснувшиеся его латной рукавицы, были ледяными.

Внутри пахло дымом, кислым пивом, жареным салом и немытыми телами. За столом у камина сидели двое грубоватых мужиков в одежде лесорубов. Они на мгновение отвлеклись от своих кружек, оценивающе оглядев вошедших. Их взгляды на секунду задержались на Вирджинии, скинувшей капюшон, на её бледном, изысканном лице и простой, но явно дорогой ткани платья, а затем равнодушно вернулись к пиву. Обычные люди, выдавшие разное.

Хозяин, толстый, лысый мужчина с засаленным фартуком, вышел из-за стойки.

— Ночевать будете? Есть комнатка наверху. Одна. Остальным — в общем зале, у камина.

— Комната для дамы, — коротко сказал Гаррет, бросая на стол несколько монет. — И ужин на всех. Что есть?

Пока Борн торговался с хозяином насчёт еды, а Мартин таскал снаружи поклажу, Вирджиния неподвижно стояла посреди зала, будто не видя и не слыша ничего вокруг. Она была островком ледяного, неприступного достоинства в этой убогой, тёплой суеде.

Один из лесорубов, тот, что постарше, с шрамом через бровь, внезапно поднял на неё взгляд. Не похабный, а пристальный, изучающий. Он что-то негромко сказал своему напарнику. Тот кивнул.

Гаррет, обладавший чутьём старого солдата, заметил этот взгляд. В нём не было простого любопытства. В нём была осведомлённость. Как будто этот человек ждал их. Или кого-то, очень похожего.

— Дама устала с дороги, — резко сказал Гаррет, шагнув между Вирджинией и столом лесорубов. — Проводите нас в комнату.

Комната наверху была крошечной, с одной узкой кроватью, крошечным столиком и заledenным окошком. Вирджиния вошла и, не глядя на Гаррета, сказала:

— Я не буду спускаться к ужину. Принесите, если что, сюда.

— Как прикажете, — буркнул Гаррет. Он хотел что-то добавить, предупредить, быть осторожной, запереть дверь, но слова застряли в горле. Она уже отвернулась, смотря в чёрный квадрат окна.

Спустившись, он застал своих людей, уже уплетающих густую похлёбку и хлеб. Лесорубы ушли. Борн, отхлебнув из своей фляги, мрачно сообщил:

— Спросил хозяина про тех двоих. Говорит, новые. Появились пару дней назад. Работы ищут. Но инструмента с собой, говорит, не видел.

— Инструмент? — переспросил Мартин.

— Топоры, пилы, болванка, — пояснил Борн, тыкая ложкой в его сторону. — У нормальных дровосеков он есть. А у этих — нет.

Тревога, дремавшая в Гаррете весь день, подняла голову.

С сегодняшнего вечера двойной караул. Спим по очереди. Я первый. Борн, ты второй. Мартин и Ларсы — до полуночи, потом вы их меняете. Окна, двери. Любой шорох — буди всех.

— Капитан, да что такого? — ныл Мартин. — Мужики как мужики.

— Приказ, солдат! — рявкнул Гаррет так, что Мартин подпрыгнул. — И кинжалы под подушку. На всякий случай.

Наверху, в своей каморке, Вирджиния прислушивалась к приглушённым голосам снизу. Она не тронула принесённую похлёбку. Сидя на краю жёсткой кровати, она вынула из саквояжа небольшое, отполированное до зеркального блеска стальное зеркальце в серебряной оправе. Подарок матери на свадьбу. «Чтобы всегда помнила, кто ты,» — сказала тогда герцогиня.

Вирджиния посмотрела на своё отражение в тусклом свете единственной свечи. Бледное лицо, тёмные круги под глазами, губы, сжатые в тонкую, бескровную ниточку. Она смотрела на эту женщину, эту королеву-неудачницу, эту живую тень.

— Кто я? — прошептала она зеркалу. И тихо, очень тихо добавила: — Уже почти никто.

Она спрятала зеркальце, погасила свечу и легла, не раздеваясь, укрывшись плащом. Глаза её были открыты и блестели в темноте. Она слушала скрип половиц, далёкий храп из общего зала, вой ветра в трубе.

Она ждала. Не сна. Она ждала рассвета. Или чего-то ещё, что должно было случиться на этой долгой, тёмной дороге в изгнание.

А внизу, угасая в углях камина, догорало полено, на котором кто-то из лесорубов выжег ножом едва заметный знак — не пентаграмму и не руну, а простой треугольник с точкой в центре. Знак, который кое-кто мог бы понять как метку для своих.

Глава 6

Рассвет в лесу не наступал — он прокрадывался. Серая мгла медленно отступала, обнажая призрачные очертания деревьев, обвитых туманом, стлавшимся по земле, как дым после пожара. Было холодно, тихо и сыро до костей.

Гаррет, не смыкавший глаз за свою смену караула, чувствовал себя выжатым лимоном. Нервы были натянуты, как тетива. Ночью не случилось ничего. Ни шороха, ни скрипа. Только тяжёлое дыхание спящих да вой ветра. И от этого было ещё тревожнее. Лесорубы не вернулись.

Он пнул сапогом сапог Борна.

— Подъём. Собираемся. Хочу быть в пути через полчаса.

Стоны, крик, недовольное бормотание — отряд поднялся. Вирджинию Гаррет нашел уже готовой. Она стояла у двери, закутанная в плащ, её саквояж в руке. Лицо было маской из бледного воска, но в глазах, обращённых на дверь, горел тот же странный, нечеловеческий огонь ожидания.

Они выехали со двора «Трёх сосен», когда солнце лишь тронуло верхушки елей бледным розовым светом. Туман был таким густым, что в десяти шагах уже ничего не было видно. Звуки приглушались, мир сузился до клочка мокрой земли перед мордой лошади и спины впереди идущего.

Гаррет ехал, напряжённо вглядываясь в белую пелену. Инстинкты старого солдата кричали об опасности. Эта тишина, этот туман — идеальные условия для засады. Он замедлил ход, давая знак остальным быть настороже. Борн, ехавший сзади, безучастно кивнул, потирая больное колено. Братья Ларсы что-то шептались между собой. Мартин, замыкавший шествие с выючными лошадьми, то и дело оборачивался, как будто чего-то боялся сзади.

Они углубились в самую чашу, где дорога сузилась до тропы между двумя скальными выступами, поросшими мхом. Туман здесь клубился особенно густо.

Именно здесь это и произошло.

Из белой пелены справа и слева, без крика, без предупреждения, возникли фигуры. Не разбойников в лохмотьях, а людей в тёмной, практичной одежде, с закрытыми повязками лицами. Их движения были быстрыми, слаженными, без суеты. Это были профессионалы.

— Засада! К оружию! — заревел Гаррет, выхватывая меч.

Но его приказ утонул в суматохе.

Справа один из нападавших метнул что-то блестящее. Не в Гаррета. В Буяна, лошадь Вирджинии. Тонкий метательный нож с глухим стуком вонзился коню в шею. Животное взвизгнуло, встав на дыбы, и рухнуло на бок, придавив себе ногу и сбрасывая седока. Вирджиния с криком, больше от неожиданности, чем от страха, упала в сырой мох.

Слева двое других набросились на братьев Ларсов. Те, застигнутые врасплох, даже не успели вытащить оружие. Мощные, точные удары рукоятями кинжалов в висок и солнечное сплетение, и оба великана рухнули, как подкошенные.

Мартин завизжал, увидев это, и бросился прочь от поклажи, но на него сзади наскочил ещё один наёмник, ударив эфесом меча по затылку. Юноша сложился без звука.

Борн оказался единственным, кто успел среагировать. Он с рёвом, больше похожим на ярость раненого кабана, выхватил свой тяжелый боевой топор и ринулся на ближайшего врага. Завязалась короткая, яростная схватка. Борн дрался отчаянно, но его раненое колено подвело — он споткнулся на коряге, и в этот момент второй наёмник ударил его мечом в спину, между пластин доспеха. Борн хрипло ахнул и рухнул лицом в грязь.

Всё это заняло меньше минуты.

Гаррет, отбивавшийся от двух атакующих, видел это краем глаза. Его сердце бешено колотилось от бессильной ярости и ужаса. Он рванулся в сторону Вирджинии, но третий наём-

ник преградил ему путь. Их клинки скрестились с лязгом. Противник был силён, быстр и свеж. Гаррет, уставший, отягощённый доспехами и отчаянием, не мог ему противостоять. Удар меча скользнул по его наплечнику, соскользнул и глубоко врезался в плечо. Горячая волна боли пронзила тело. Гаррет зарычал, но рука, держащая меч, ослабла. Следующий удар рукоятью в голову добил его. Мир погас, поплыл и растворился в темноте.

Тишина вернулась, ещё более гнетущая, чем до нападения. Туман медленно рассеивался, открывая картину разгрома. Двое наёмников быстро и эффективно проверяли лежащих. Братья Ларсы и Мартин были без сознания. Борн лежал неподвижно, из-под него растекалось тёмное пятно. Гаррет хрипел, пытаясь подняться, но его прижали сапогом к земле и связали.

Главарь, тот самый «лесоруб» со шрамом, подошёл к Вирджинии. Она лежала на земле, отброшенная падением лошади, но уже поднялась на локти. Её волосы рассыпались, плащ был в грязи, но в её глазах не было ни паники, ни страха. Было лишь ледяное, бездонное понимание. И облегчение.

Он склонился над ней.

— Королева Вирджиния? — его голос был низким, лишённым всякой почтительности. — Она медленно кивнула, не отрывая от него взгляда. — От имени нашего работодателя, — сказал он, — вы отныне наша почётная гостья. Не причиняйте неудобств, и с вами будут обращаться соответственно.

Он сделал знак. Двое других подняли её с земли, не грубо, но твёрдо. Её саквояж был подобран. Никто не стал обыскивать её или связывать. В этом не было нужды. Куда она денется в глухом лесу?

Один из наёмников свистнул. Из тумана вывели трёх крепких, тёмных лошадей — не тех, что были привязаны у таверны. Профессиональная работа.

Вирджинию посадили на одну из них. Она не сопротивлялась. Её взгляд скользнул по телам её «охранников». На Гаррета, который, истекая кровью, с ненавистью смотрел на похитителей. На молодого Мартина, безвольно распластанного в грязи. Её лицо не дрогнуло.

— А их? — спросил один из наёмников, кивая на стражников.

— Оставьте. Живыми, — приказал главарь. — Пусть расскажут, как их разбили. Это послание.

Через мгновение отряд растворился в лесу так же быстро и бесшумно, как и появился. Оставив после себя только клубящийся туман, стоны, запах крови и безмолвный укор королевской небрежности, приведшей к этому.

Гаррет, стиснув зубы от боли, сумел перевернуться на спину. Сквозь пелену в глазах он видел, как последние клочки тумана цепляются за верхушки деревьев. Его отряд был уничтожен. Королева похищена.

И в этот момент, сквозь боль и унижение, до него дошла страшная мысль. Наёмники не убили их. Не тронули вещей. Они хотели, чтобы он выжил и рассказал. Это означало одно: похищение не было случайностью. Это был чей-то план. И они только что стали его пешками.

Глава 7

За два часа до рассвета в лесу, где пала лошадь королевы Вирджинии, в другом мире, в городе, который никогда не слышал о драконах, Алиса Сергеева боролась со смертельной угрозой.

Угрозой в виде трёхдневного дедлайна, чашки холодного кофе и бутерброда с сыром, который упорно не хотел помещаться в рот целиком.

Офисное здание было пустынно и призрачно освещено аварийными светильниками. Только на седьмом этаже, в отделе цифрового архива, горел одинокий свет. Алиса, уткнувшись носом в экран, сводила последние правки в отчёте о систематизации сканов муниципальных документов 1970-х годов. Работа была скучной до мозгового трепета, но стабильной. А в её двадцать восемь лет стабильность казалась высшим благом, даже если её цена — вечная усталость и чувство, что жизнь проходит мимо.

— ...а метаданные должны соответствовать протоколу... бла-бла-бла... — бормотала она, стирая опечатку.

Глаза слипались. В желудке урчало. Она отодвинула клавиатуру и потянулась за своим ужином — вернее, завтраком, который давно пора было съесть. Бутерброд, купленный в автомате у лифтов, выглядел печально: слипшийся хлеб, тонкая пластинка сыра, помятый лист салата.

— Ну, хоть что-то, — вздохнула Алиса, откусив огромный, неловкий кусок.

И тут случилось.

Крошка хлеба по непонятной траектории — возможно, из-за сухости во рту или неловкого движения — попала не в то горло. Алиса резко кашлянула, пытаясь прочистить дыхание. От неожиданности она дёрнулась, и локоть задел стоящую на краю стола почти полную кружку холодного кофе.

Тёмная жидкость хлынула на стол, заливая клавиатуру, мышь и стекая широкой лужей прямо на пол. Алиса вскочила с криком «Чёрт!», пытаясь спасти хотя бы документы. Она сделала неосторожный шаг назад, прямо в лужу.

Кроссовки на плоской, стоптанной подошве моментально потеряли сцепление с линолеумом. Ноги поехали вперёд с нелепой, балетной грацией. Всё её тело, уже занесённое резким движением, описало в воздухе короткую, неуклюжую дугу.

Последнее, что она увидела перед тем, как мир взорвался болью, — это острый, хромированный угол ножки соседнего стола, неумолимо приближающийся к её виску.

«ТЫННННН!»

Звук был глухим, костяным, страшным в своей будничности. Не треском щита, не звоном клинков, а тупым ударом офисной мебели о человеческий череп.

Алиса рухнула на пол. Голова запрокинулась, взгляд остекленел, уставившись в решётку потолочного вентилятора. Из небольшой, но глубокой раны на виске тонкой струйкой сочилась кровь, смешиваясь с коричневой лужей кофе.

Последние обрывки мыслей её прежней жизни пронесли калейдоскопом:

«Отчёт... не сдан...»

«Мама будет в ярости, что я опять засиделась...»

«Как же глупо...»

«В кино так показывают... нелепая смерть главной героини... в плохом фэнтези...»

Тьма нахлынула стремительно и безжалостно. Не свет в конце туннеля. Не ангельский хор. Просто отключка. Как будто кто-то выдернул вилку из розетки.

И в этот миг, в пространстве между одним ударом сердца и следующим, в разломе между мирами, что-то случилось. Не магия, не воля богов, а странная, квантовая аномалия совпа-

дения. Душа, насильственно вырванная из своего сосуда в одном мире, металась в поисках якоря. А в другом мире, в тёмном лесу, другой сосуд — красивое, молодое, отчаявшееся тело королевы Вирджинии — только что освободился. Не в смерти, а в добровольном, отчаянном отречении. Душа оригинала, измученная и сломленная, просто отпустила.

И пустота потребовала заполнения.

Никто в офисе не услышал тихого хлопка, с которым погас экран монитора Алисы. Никто не увидел, как последняя капля её крови растворилась в кофейной луже. Уборщица найдёт её только через пару часов...

А в лесу, у подножия скалы, наёмник по имени Рорк уже занёс рукоять кинжала, чтобы ударить свою пленницу по голове — не для убийства, а для гарантированного шока и покорности. Удар пришёлся в ту же точку на виске. Точь-в-точь.

В теле Вирджинии что-то сломалось, затрещало и освободило место.

И в эту образовавшуюся пустоту, как вода в пробитую плотину, хлынуло что-то иное. Хаотичный поток образов, звуков, обрывков памяти: светящиеся экраны, запах асфальта после дождя, голос диктора в метро, вкус шоколада, чувство дедлайна, тоска по чему-то неопределённому...

Душа Алисы, выброшенная из своего мира со всего маху, с отчаянным воплем внутреннего «Что за?!», врезалась в новую реальность, в новое тело, в новую боль.

И застряла.

На этом всё закончилось. И на этом всё началось.

Глава 8

Сначала пришла боль. Не острая, а глухая, размазанная, пульсирующая в виске синкопированным ритмом безумия. Она была якорем, единственной реальностью в абсолютной, всепоглощающей темноте.

Потом запахи. Они ворвались в сознание, грубые и незнакомые: сырая, холодная земля, прелая листва, конский пот, и что-то ещё металлическое, медное. Кровь?

Затем звуки. Не тишина. Тишина была бы благословением. Это был гул, странный, низкочастотный гул в ушах, под который пробивались другие: тяжёлое, хриплое дыхание где-то рядом, звук падающих капель, далёкий скрип дерева, похожий на стон.

И наконец ощущения. Холод. Леденящая сырость, пробивающаяся сквозь ткань на спине и бёдрах. Тяжесть. Огромная, невыносимая тяжесть в голове. И странная скованность. Она не могла пошевелиться. Не потому что парализовало, а потому что что-то туго стягивало её руки за спиной, а ноги были скручены в лодыжках.

«Где я?»

Мысль была туманной, вязкой, как будто мозг был наполнен ватой. Она попыталась открыть глаза. Веки слиплись, будто после долгого, болезненного сна. Она силой разлепила их.

Темнота не исчезла. Она была не абсолютной, а густой, почти осязаемой. Лишь вверху, очень далеко, слабо мерцало что-то — не свет, а скорее чуть менее тёмное пятно. «Небо? Сквозь листву?»

Она лежала на боку на чём-то твёрдом и неровном. Под щекой — холодная, влажная земля. Она попыталась повернуть голову, и волна тошноты накатил на неё, смешавшись с новой вспышкой боли в виске. Она застонала, и звук собственного голоса испугал её. Он был чужим. Хриплым, низковатым.

Паника, до этого дремавшая где-то на задворках сознания, рванулась вперёд, сжимая горло ледяными щупальцами.

«Что происходит? Где я? Почему я связана?»

Она судорожно дёрнула руками. Верёвка впилась в запястья, намертво скреплённые за спиной. Она попыталась согнуть ноги — та же история. Её скрутили, как барана на заклание.

Сценарии, дикие и нелепые, пронеслись в голове. «Похищение. Маньяки. Тот парень с соседнего отдела, который всегда странно смотрел... Розыгрыш? Нет, слишком реально.»

Она зажмурилась, пытаясь собраться. «Дыши, Алиса, дыши. Вспомни последнее.»

Память отозвалась обрывком: свет монитора, вкус сухого бутерброда, резкий толчок... кофе... пол... УГАААС!

Да. Она упала. В офисе. Ударилась головой. Значит, это больница? Но нет, в больницах не пахнет землёй и не связывают пациентов. И боль... Боль была именно в виске. Там же, где и сейчас.

Может, её вывезли куда-то? Но зачем? Она — никому не интересный архивариус. У неё нет денег, влиятельных врагов, секретных данных.

Она снова открыла глаза, заставляя их привыкнуть к мраку. Постепенно очертания стали проступать. Она лежала в каком-то углублении, яме или небольшой пещере. Стены были из грубого камня и спрессованной земли. Перед ней решётка? Нет, стволы деревянные, грубо обтёсанные. Дверь. Это была дверь в клетку или темницу.

Свет — тот самый, слабый отсвет — лился откуда-то сверху и слева. Факел? Костер?

И тогда она услышала голоса. Мужские. Грубые, нестройные. Где-то очень близко, за этой деревянной преградой.

— ...говорил, не бить по башке, а ты, Рорк, всегда через жопу...

— Заткнись. Жива — и ладно. А то орала бы тут как резаная.

— А выкуп-то дадут? На неё глядя — не похожа на ту, за кого платят горы золота. Сопливая какая-то...

— Не твоё дело. Сказали — королева, значит, королева. Жди гонца.
Слова долетали обрывками, но их смысл врезался в сознание как нож.
«Королева. Выкуп. Рорк.»

Это не похищение из-за денег. Это... Это что-то из фильма. Из плохого, дешёвого фэнтезийного романа, которые она иногда читала от скуки.

Её тело пронзила новая, леденящая догадка. Она медленно, преодолевая тошноту, опустила взгляд на себя. На то, во что была одета. Это не её любимые поношенные джинсы и свитер. Это было платье. Длинное, из какой-то плотной, дорогой на ощупь ткани, теперь грязное и порванное в нескольких местах. На ногах — не кроссовки, а какие-то мягкие сапожки из кожи. И руки... Руки были меньше. Уже. Кожа на них была гладкой, без знакомой родинки на левой кисти.

Паника переросла в чистый, немой ужас. Она задышала часто-часто, сердце колотилось где-то в горле, угрожая выпрыгнуть.

«Это не моё тело.»

Мысль была настолько чудовищной, что разум попытался отвергнуть её. Галлюцинация. Кома. Сон. Какой-нибудь порошок в офисном кофе.

Но боль в виске была реальной. Запах — реальным. Верёвка, впивающаяся в плоть, — реальной. И эти голоса...

Она сжалась в комок, стараясь стать меньше, незаметнее. Слезы, горячие и бессильные, покатались по щекам, смешиваясь с грязью. Всё, что она знала — офис, квартира, метро, мама, планы на отпуск, недописанный отчёт — всё это рухнуло, растворилось в этой вонючей, тёмной яме.

Она была в ловушке. В чужом теле. В чужом мире. Связанная, в темнице, и кто-то говорил о выкупе.

И её единственной мыслью, прорезавшейся сквозь панический туман, было:
«Мама... Я так сильно облажалась...»

Глава 9

Алиса лежала, затаив дыхание, превратившись в один большой слух. Голоса за дверью продолжали бубнить, и постепенно, сквозь гул в ушах и панику, она начала улавливать смысл.

— ...а мне говорили, королевы пахнут розами и дорогими духами. А эта... Как мешок с мокрой шерстью пахнет. Да ещё и кровью.

— Молчи, Элрик. Пахнет — не пахнет, а золото за неё пахнет одинаково сладко. Главное, чтобы письмо до замка дошло.

«Замок... Письмо... Золото...» Каждое слово било по сознанию, как молоток, вгоняя гвоздь реальности. Это не сон. Сны так не пахнут.

— Интересно, а король-то заплатит? Говорят, он её терпеть не мог. Может, обрадуется, что избавился?

— Наш работодатель уверен, что заплатит. Не из любви, так из чести мундира. А если нет... — голос понизился, стал скользким, — ...у нас есть план «Б». Продадим тому, кто предложит. На востоке её род ценят.

Алиса почувствовала, как холодеет внутри. План «Б». Продажа. Она представляла себе восток из плохих фильмов: рабские рынки, гаремы, шахты... Нет, нет, нет!

Инстинктивный, животный страх пересилил оцепенение. Она зашевелилась, попыталась приподняться на локте, и её движение вызвало шорох и звон — её платье зацепилось за какую-то железную скобу в стене.

Голоса за дверью смолкли.

— О, кажется, наша птичка очнулась, — раздался новый, более грубый и весомый голос.

Шаги приблизились к двери. Щеколда громко звякнула, и дверь с противным скрипом отъехала в сторону.

В проёме возникла фигура. Высокий, плечистый мужчина в потрёпанной кожаной куртке. Лицо его было скрыто в тени, но Алиса разглядела жёсткий, небритый подбородок и шрам, пересекающий левую бровь. Это был Рорк.

Он зажёл небольшой факел, и резкий свет ударил Алисе в глаза. Она зажмурилась, резко отвернув голову.

— Ну что, Ваше Величество, просыпаемся? — его тон был насмешливым, но без особой злобы. Словно он дразнил пойманного зверька. — Голова не болит? Прости за чрезмерное усердие. Но ты себя вела слишком нервно для королевы.

Алиса не знала, что ответить. Её мозг лихорадочно соображал. «Ваше Величество. Значит, это тело — королева?» Она выдавила из себя хриплый, едва слышный звук.

— Что-то сказать хочешь? — Рорк присел на корточки рядом с ней, вонзая факел в земляной пол. Его дыхание пахло луком и дешёвым алкоголем. — Проситесь в туалет? Или воды?

Алиса сглотнула. Её горло было сухим, как пустыня.

— Воды... — прошептала она тем чужим, низким голосом.

Рорк кивнул стоявшему за его спиной более молодому парню — тому самому Элрику. Тот подал деревянную кружку. Рорк поднёс её к её губам. Вода была прохладной, чистой, и она показалась Алисе лучшим, что она пробовала в жизни. Она сделала несколько жадных глотков.

— Ну вот и хорошо, — сказал Рорк, отнимая кружку. — А теперь давай поговорим. Ты понимаешь, в какой ситуации оказалась?

Алиса медленно кивнула. Боль в виске снова дала о себе знать резкой пульсацией.

— Отлично. Значит, будешь вести себя умно. Не будешь орать, не будешь пытаться бежать. Мы — не монстры. Просто хотим свой золотой в карман. Твоя семья заплатит — ты

вернёшься к своим шелкам и пиршествам. Не заплатят... — он пожал плечами. — Ну, ты слышала.

Его логика была чудовищно простой и понятной. Но Алиса была не той «королевой», которой он думал. Паника снова начала подниматься, смешиваясь с отчаянием.

— Я... Я не та, кем вы меня считаете, — выпалила она, и тут же пожалела.

Рорк нахмурился.

— А? Что это значит?

— Меня... Меня подменили! — голос её сорвался на визг. — Я не королева! Я не знаю, кто вы, и что здесь происходит! Вы должны меня отпустить! Это... Это похищение личности! Нарушение статьи 126 Уголовного кодекса! Я требую адвоката и один звонок!

Она выпалила это на одном дыхании, на чистом, автоматическом отчаянии запуганного городского жителя.

Наступила мёртвая тишина. Рорк замер, его брови поползли вверх. Элрик, стоявший сзади, открыл рот. Даже другие два бандита, копошившиеся у костра в глубине пещеры, обернулись.

Рорк медленно повернулся к Элрику.

— Ты что-нибудь понял?

— Ни бельмеса, босс. Какие-то кодексы... Адвокат — это, кажись, в городе такой учёный писарь бывает?

Рорк снова посмотрел на Алису. Его взгляд стал оценивающим, подозрительным.

— Удар по голове, говоришь? Сильный, видать, удар. Заговорила как сумасшедшая.

— Я не сумасшедшая! — закричала Алиса, и слёзы снова хлынули из её глаз. — Меня зовут Алиса Сергеева! Я из Москвы! Я работала архивариусом! Я упала и ударилась головой, а потом оказалась здесь! В этом теле! Вы должны мне поверить!

Она рыдала, трясась всем телом, её слова превратились в невнятное бормотание.

Рорк смотрел на неё ещё минуту, потом вздохнул, поднялся и погасил факел о землю. В темноте его голос прозвучал устало и окончательно.

— Контузия. Или притворство. Неважно. — Он повернулся к выходу. — Элрик, дашь ей ещё воды, если попросит. И следи. Если начнёт опять нести эту чушь про «архивариусов» и «Москву» — скажи. Мы её водой холодной окатим. Отрезвит.

Дверь снова захлопнулась. Щеколда щёлкнула на место.

Алиса осталась одна в темноте, с разбитой головой, в чужом теле, и с леденящим осознанием: они ей не верят. Они думают, что она сошла с ума от страха или бьётся в истерику.

Её единственная попытка сказать правду провалилась с треском. Мир вокруг был настолько чужим, что её реальность звучала в нём как бред умалишённой.

Она прижалась лбом к холодной земле, тихо всхлипывая. Страх сменился глухой, безнадежной тоской. Она была в ловушке вдвойне: в теле пленницы и в роли, которую не могла ни сыграть, ни объяснить.

Где-то снаружи Элрик сказал:

— Босс, а может, она и вправду не в себе?

— Всем мы не в себе, парень, — послышался ответ Рорка. — Но золото от этого слаще не станет. Пусть побредит. Главное — жива.

Их голоса затихли, растворившись в потрескивании костра. Для них она была просто товаром с повреждённой упаковкой. Безумной королевой.

А для себя самой Алиса перестала быть кем бы то ни было. Она была просто болью, страхом и вопросом, висящим в крошечной тьме: «Что делать?»

Глава 10

Время в темнице текло странно — то растягиваясь в леденящую вечность, то сжимаясь в мгновение между вспышками паники. Алиса то проваливалась в тяжёлый, кошмарный сон, где падала в бесконечную лужу кофе, то просыпалась от каждого шороха за дверью.

Её мучили жажда, голод и потребность в самом базовом — сходить в туалет. Но больше всего мучила беспомощность. Она была интеллектуалом, офисным планктоном, чьё самое страшное оружие — язвительный комментарий в чате. А здесь правила были примитивны и жестоки: сила, верёвка, угроза.

Когда дверь снова открылась, она вздрогнула, вжимаясь в земляную стену. Вошёл не Рорк, а Элрик, тот самый молодой парень. В руках он нёс ещё одну кружку воды и кусок чего-то тёмного, похожего на хлеб.

— На, — бросил он это к её ногам, не подходя близко. — Ешь. Босс говорит, товар должен быть в порядке.

Алиса посмотрела на хлеб. Он выглядел твёрдым и неаппетитным. Но желудок скрутило от голода. Она кивнула, не в силах вымолвить спасибо этому похитителю.

Элрик собирался уйти, но задержался, с любопытством разглядывая её.

— А правда, что ты не королева? — спросил он вдруг, понизив голос.

Вопрос застал её врасплох. В его глазах читалось не издевательство, а простое, глуповатое любопытство.

— Я... нет, — прошептала она. — Я не знаю, кто эта королева. Я из другого места.

— Странно, — пожал он плечами. — Выглядишь как она. Одежда её. Да и взяли мы тебя из того самого кортежа. Хотя... — он почесал затылок, — ты действительно как-то по-другому орешь. Не по-королевски.

Это была первая, крошечная возможность.

— Послушай, — сказала Алиса, делая голос как можно более убедительным, несмотря на хрипоту. — Ты должен мне помочь. Это... Это ошибка системы. Меня подменили на молекулярном уровне, или произошёл квантовый сдвиг! Ты понимаешь?

Элрик уставился на неё пустым взглядом.

— Кван... что?

— Неважно! Важно то, что я здесь случайно! Если вы потребуете выкуп за меня, они его не дадут, потому что я не она! А потом ваш босс... Рорк... Он же разозлится. Может, сделает с вами что-то плохое за неудачу. А если ты поможешь мне сбежать, я тебе заплачу. У меня есть биткоины! Или акции! Или я знаю, где найти антибиотики! Вы же тут, наверное, от гангреныдохните?

Она говорила всё быстрее, отчаянно пытаясь найти хоть какую-то понятную для него валюту, хоть какой-то рычаг.

Элрик слушал, и его лицо постепенно выражало всё большее недоумение, которое сменилось лёгкой усмешкой, а затем жалостью.

— Гангрена... битки... — он медленно покачал головой. — Босс прав. Ты контуженная в голову. Белочка тебе по мозгам побегала. Лучше поешь и помолчи. А то Рорк и вправду рассердится.

Он повернулся к двери.

— Нет, подожди! — отчаяние придало ей сил. Она попыталась встать на колени, скрученные лодыжки пронзила боль. — У меня есть права! Международная конвенция о похищениях! Гаагский суд! Вы не можете просто так держать человека! Это нарушение базовых свобод!

Элрик обернулся на пороге. Его взгляд стал окончательно пустым.

— Ты всё про какое-то право говоришь. Здесь право одно: сильный прав. А ты — связанная. Какое у тебя может быть право?

Он вышел, и щеколда снова щёлкнула.

Алиса опустила голову. Её последний аргумент — апелляция к закону и морали — разбился о простую, железную логику этого мира. Здесь не было конвенций. Не было полиции. Не было статей. Была верёвка, сила и выкуп.

Она сгорбилась, охваченная новой волной отчаяния. Она пыталась говорить с ними на языке логики, науки, юриспруденции — на всём, что составляло её старую реальность. И это звучало для них как бред сумасшедшей или магические заклинания.

Тихо, чтобы не услышали снаружи, она начала плакать. Не рыдать, а именно плакать — тихо, безнадежно, чувствуя, как последние опоры рушатся под ногами. Она была не просто в чужом теле. Она была в чужой системе координат, где все её знания, весь её опыт были бесполезным хламом.

Снаружи донёсся разговор:

— Ну что, Элрик? Очнулась?

— Очнулась. И ещё больше спятила. Про какие-то битки и конвенции лопочет. Прямо жалко стало.

— Жалость — не наш профиль, парень. Запомни. Она — груз. Деньги — цель. Всё остальное — бред.

Алиса услышала эти слова. «Груз». Это было её новое имя. Не Алиса. Не королева. Груз.

Она перестала плакать. Слёзы высохли. Осталось только холодное, пустое место внутри. Страх никуда не делся, но теперь он стал тихим и острым, как лезвие.

Она посмотрела на кусок хлеба у своих ног. Потом на кружку с водой. Выживание. Это было единственное, что оставалось. Не попытки объясниться. Не надежда на спасение извне. Просто выживание. Шаг за шагом. Глоток за глотком. Укус за укусом.

Она медленно, преодолевая боль в запястьях и лодыжках, подползла к кружке. Припала к ней губами и сделала долгий, медленный глоток. Потом, используя зубы и подбородок, стащила хлеб на колени и откусила кусок. Он был твёрдым, безвкусным, как дерево. Она жевала его медленно, механически, глотая вместе с новой, горькой пилюлей понимания.

Её война за правду и возвращение домой только что проиграна с разгромным счётом. Теперь начиналась другая война. Тихая. Личная. Война за то, чтобы просто не сойти с ума и не умереть в этой яме. А для этого нужно было перестать быть Алисой из Москвы. Хотя бы на время.

Нужно было выучить правила новой игры. А первое правило, которое она только что усвоила, звучало так: «Никто тебе не верит. И никому ты не нужна. Выживай сама.»

Глава 11

После ухода Элрика темница погрузилась в тишину, нарушаемую лишь потрескиванием далёкого костра и тяжёлым дыханием самой Алисы. Она доела хлеб, выпила воду, и эти базовые действия, казалось, заземлили её, вернули немного контроля над физическим телом, если не над ситуацией.

Слёзы высохли. Внутри осталась пустота, но уже не беспомощная, а холодная, как сталь после закалки. Её мозг, отключив эмоции, начал работать с той же безжалостной эффективностью, с какой она систематизировала архивы.

«Факты. Нужно опираться на факты.»

Она заставила себя осмотреться, на этот раз не как жертва, а как аналитик на месте происшествия.

Факт первый: она в теле женщины знатного происхождения (королевы, по их словам). Тело молодое, здоровое, но связанное и с травмой головы.

Факт второй: её похитили с целью выкупа. Профессионалы. У них есть «работодатель» и «план Б» на случай неудачи.

Факт третий: они считают её либо оригинальной королевой, либо сумасшедшей, избитой до потери рассудка. Ни то, ни другое ей не выгодно. Первое — ведёт к выкупу, который не дадут за неё, и тогда «план Б» (рабство/смерть). Второе — ведёт к тому, что с ней перестанут церемониться, могут убить как бешеную собаку.

Факт четвёртый (и самый важный): она не в своём мире. Её знания о нём равны нулю. Её социальные навыки бесполезны. Её личность здесь — обуза.

Значит, нужно создать новую. Не пытаться быть собой. Не пытаться быть оригинальной Вирджинией. Нужно быть кем-то третьим. Кем-то, кто сможет выжить в промежутке.

Мысль пронеслась, как вспышка: «Шизофрения.»

Нет, не настоящая. Имитация. Амнезия плюс признаки расщепления личности. Что-то, что объяснит её незнание реалий, её странную речь, её панику. Что-то, что заставит их видеть в ней не ценный товар, а проблемного, но всё же товар, с которым нужно обращаться осторожнее. Что-то, что даст ей время.

План «Б» (её собственный) родился в голове, обретая чёткие контуры:

1. Принять оболочку. Перестать отрицать, что она — королева Вирджиния. Это её легитимность, единственная причина, по которой её ещё не убили.

2. Сымитировать последствия травмы. Амнезия — идеально. Она искренне ничего не помнит. Ни их, ни замка, ни мужа. Это объяснит все её глупые вопросы.

3. Добавить «иные личности». Тонко. Не ярко. Иногда проскальзывающие фразы, манеры, не свойственные аристократке. «Алиса» будет одной из таких личностей — испуганной, странной, говорящей на тарабарском. Но не главной. Главной должна быть тихая, растерянная, но по-королевски держащаяся «Вирджиния».

4. Наблюдать и учиться. Каждое слово, каждый намёк, каждое действие похитителей — это данные. Язык, обычаи, география, политика. Она должна впитывать всё, как губка.

5. Искать слабые места. В темнице. В страже. В них самих. Элрик выглядел самым податливым. Рорк — ключевая фигура. Нужно понять их динамику.

Это был отчаянный, безумный план. План человека, загнанного в угол. Но это был план. И одно его наличие влило в её жилы толику странной, ледяной уверенности.

Она потянулась (насколько позволяли верёвки) и кончиками пальцев ощупали земляную стену рядом с собой. Твёрдая, спрессованная глина. Но вот здесь, у самого пола, камень шатался. Медленно, ценой боли в растянутых суставах, она подцепила его ногтями и потащила

на себя. Камушек размером с куриное яйцо вывалился в её ладонь. Он был холодным и шершавым.

Оружие? Смешно. Но инструмент. Возможно, им можно что-то подковырнуть, ослабить верёвку, если представится шанс. Она спрятала камень под складками платья у пояса.

Потом она начала тренировать дыхание. Глубокий вдох через нос. Медленный выдох через рот. Спокойствие. Только спокойствие. Она представляла себя актрисой, готовящейся к самой важной роли в жизни. Роли на выживание.

Она даже попыталась представить, как должна двигаться, говорить королева. В её памяти всплывали образы из фильмов: прямая спина, отведённый подбородок, взгляд поверх голов, тихий, ровный голос. Она репетировала это в темноте, с закрытыми глазами.

Шаги за дверью заставили её замолкнуть и притвориться спящей. Дверь открыли. На этот раз вошёл Рорк с факелом и ещё одним человеком — тощим, с хитринкой в глазах.

— Ну что, Ваше Величество, — голос Рорка был деловитым. — Надо написать письмо домой. Диктуй, что скажу. Писец здесь.

Писец? Значит, они серьёзно настроены на выкуп. Алиса медленно открыла глаза, изображая слабость и дезориентацию. Она посмотрела на Рорка, потом на писца, и позволила дрожать своему голосу, но не от страха, а от «растерянности».

— Я... Я не помню... — начала она шёпотом. — Дом... Какой дом? Кто вы?

Рорк замер, его глаза сузились.

— Опять за своё?

— Мне страшно, — сказала она, и это не было ложью. — В голове пусто. И голоса иногда... — Она намеренно оборвала фразу, глядя куда-то в сторону, как будто прислушиваясь к чему-то невидимому.

Писец переглянулся с Рорком.

— Контузия, я же говорил. Память отшибло. Бывает.

Рорк выругался.

— Значит, диктовать не сможет. Напиши сам. Стандартное: «Ваша королева в наших руках. Ждём сто тысяч золотых у Чёрного Камня через неделю. Не явитесь — пришлём её палец. А потом голову.

Алису передёрнуло от этих слов. «Палец. Голова.» Это становилось слишком реальным.

Пока писец скрипел пером по пергаменту, Рорк присел перед ней.

— Слушай сюда, «королева». Помнишь ты или нет — неважно. Ты — наша страховка. Веди себя тихо, и целой останешься. Поняла?

Алиса кивнула, глядя ему прямо в глаза, стараясь не моргнуть. В её взгляде не было вызова, но и не было прежнего животного ужаса. Было пустое, холодное принятие.

— Хорошо, — пробурчал Рорк, вставая. Что-то в её спокойствии, видимо, насторожило его больше истерики. — Элрик! Принеси ей ещё воды. И наблюдай.

Они ушли. Элрик принёс воду. Алиса выпила, поблагодарила его тихим, но чётким «спасибо», как королева могла бы поблагодарить слугу. Не как сумасшедшая, а как персону, привыкшая к служению.

Элрик снова выглядел озадаченным. Он вышел, бормоча себе под нос.

Алиса осталась одна. План был запущен. Первый шаг сделан — она начала играть роль растерянной, но не сломленной аристократки с провалами в памяти. Теперь нужно было выдерживать характер. И ждать. Ждать, наблюдая, учась, ища любую возможность.

Она откинулась на земляную стену, закрыв глаза. Внутренняя дрожь никуда не делась, но теперь она была под контролем. Как генератор, работающий на низких оборотах.

«Я — Вирджиния, — повторила она про себя. — Я ничего не помню. Я боюсь. Но я — королева.»

А потом, ещё тише, добавила мысль, которая была её настоящим оружием:

«А ты, Алиса, молчи. Молчи и смотри. Наш час ещё не пробил.»

И впервые с момента пробуждения в этой яме, уголки её рта дрогнули в подобии улыбки. Не весёлой. Не счастливой. А хищной и решительной. Улыбке выжившего, который только что понял правила игры и решил в неё выиграть.

Глава 12

План зрел в голове Алисы, как болезнь, — методично и неотвратимо. Но пассивное ожидание сводило с ума. Ей нужно было действие. Любое. Чтобы почувствовать, что она ещё может хоть что-то контролировать.

Её взгляд снова и снова возвращался к верёвкам на запястьях. Они были из грубого, толстого волокна, скручены туго, но не профессиональным морским узлом. Больше похоже на то, как завязывают мешки. Узел был где-то сзади, вне поля её зрения и досягаемости.

Но её научили думать. А думала она теперь как выживальщик, насмотревшийся роликов на интернет-просторах. «Если нет ножа, нужен абразив. Трение.»

Её глаза выискали в полумягком грунте пола небольшой, выступающий каменный зубец. Не острый, но с шершавой поверхностью. До него можно было дотянуться спиной, если извернуться.

Это был её шанс. Жалкий, ничтожный, но шанс.

Она начала действовать под покровом ночной тишины, когда снаружи доносился лишь храп. Медленно, сантиметр за сантиметром, она подползла к выступу спиной. Потом, скрипя зубами от боли в вывернутых плечах, начала водить по камню участком верёвки между запястьями.

Работа была мучительной и неэффективной. Верёвка лишь слегка протиралась, а её запястья быстро покрывались ссадинами, которые жгли как огонь. Она стиснула зубы, продолжая. Пот лил с неё градом, смешиваясь с грязью на лице.

Через час (или больше — время потеряло смысл) она почувствовала, что одна из прядей слегка ослабла. Воодушевление, острое и пьянящее, ударило в голову. Она заработала с удвоенной энергией.

И тогда случилась первая неудача. В порыве усердия она слишком сильно дёрнула, и верёвка соскользнула с камня, а её локоть со всей силы ткнулся в глиняную стену. Раздался глухой стук.

За дверью немедленно послышалось движение.

— Эй, там что? — голос Элрика, сонный, но настороженный.

Алиса замерла, притворившись спящей, затаив дыхание. Сердце колотилось так, что, казалось, его услышат. Послышался звук отодвигаемой щеколды. Луч света от факела прорезал темноту.

Элрик стоял на пороге, косился на неё. Она лежала неподвижно, изображая глубокий сон. Он постоял минуту, пожал плечами и ушёл, прикрыв дверь, но, кажется, не защелкнув щеколду до конца.

Адреналин отхлынул, оставив после себя разочарование и страх. Но и новую мысль: дверь не заперта наглухо. Возможно, охранник засыпает.

Нужно было продолжать. Она снова принялась за работу, теперь уже с оглядкой на малейший шорох снаружи. Ещё через мучительный промежуток времени одна из тонких прядей верёвки лопнула! Не полностью, но ослабление было ощутимым. Она могла теперь немного шевелить руками, между запястьями образовался крошечный зазор.

Надежда вспыхнула с новой силой. Но времени не было. Скоро рассвет, сменится караул. Нужно было пробовать сейчас.

Она просунула в зазор между верёвками край платья и оторвала от подола длинную, узкую полоску ткани. Потом, с невероятными усилиями, зажав один конец тряпки зубами, а другой — пальцами, начала протискивать её через ослабленную петлю. Идея была проста: сделать импровизированную «пилу», протягивая ткань туда-сюда. Это был отчаянный, дурацкий план, но другого не было.

Она работала, пока челюсти не свело судорогой, а пальцы не онемели. Ткань медленно, мучительно медленно, перетирала волокна. И тут... «тьфкс!» Полоска ткани, не выдержав натяжения, порвалась. Алиса от неожиданности и досады стукнулась затылком о стену.

Из неё вырвался тихий, но отчётливый стон отчаяния:

— Да чёрт побери!

На этот раз Элрик появился мгновенно. Он толкнул дверь, и та распахнулась. Он увидел её сидящей, с красными от напряжения руками, с оборванной тряпкой в зубах и с выражением чистой, бессильной ярости на лице.

Наступила неловкая пауза. Элрик смотрел на неё, на её жалкие попытки, и на его лице медленно расплзлась широкая, глупая ухмылка.

— О-о-о... — протянул он. — Пыталась сбежать? Ну, надо же. А мы тут думали, ты совсем тюленья.

Алиса выплюнула тряпку. Её охватила волна жгучего стыда. Она не чувствовала себя храброй бунтаркой. Она чувствовала себя идиоткой, пойманным за руку ребёнком.

— Я... мне нужно было... поправить платье, — брякнула она первое, что пришло в голову, и тут же поняла, насколько это нелепо.

Элрик рассмеялся — громко, искренне.

— Поправить платье? Зубами? Да ты, я смотрю, не только память, но и руки потеряла! — Его смех привлёк внимание. К двери подошёл ещё один бандит, тот самый тощий писец.

— В чём дело?

— Да наша королевская особа тут платья свои зубами чинит! — фыркнул Элрик.

Писец посмотрел на Алису, на верёвки, на тряпку, и его тонкое лицо исказилось презрением.

— Дура. И думала, что выйдет? — Он подошёл и грубо дёрнул её за руки, проверяя узлы. — Гм. Кое-что всё же стёрла. Ну ничего, шас поправим.

Он вышел и вернулся с новым мотком верёвки и ножом. Алиса замерла, увидев лезвие. Но он лишь перерезал старые, повреждённые верёвки и, с неожиданной силой, скрутил ей руки сзади снова, на этот раз так туго, что пальцы сразу начали неметь. Новые узлы были сложными, крепкими, морскими. Он привязал её также и за шею к железному кольцу в стене, оставив слабинку всего в полметра.

— Вот, — сказал он, отряхивая руки. — Теперь «чини» своё платье. Если достанешь.

Они ушли, снова защелкнув дверь. На этот раз наверняка. Снаружи ещё какое-то время доносился сдержанный смех.

Алиса осталась сидеть на холодной земле, прикованная, как собака. Боль в свежеперетянутых запястьях была острой, а унижение — жгучим. Все её усилия привели лишь к ужесточению режима. Она пыталась бороться с системой примитивной силой и хитростью дилетанта — и проиграла вчистую.

Слёзы снова навернулись на глаза, но она их слотнула. Плакать было бесполезно. Стыд нужно было превратить в урок.

Урок первый: её физические возможности ничтожны. Она слаба, не обучена, и у неё нет инструментов.

Урок второй: они не идиоты. Они наблюдательны и быстро учатся на её ошибках.

Урок третий: открытый бунт ведёт к ужесточению мер.

Её план «Б» (имитация сумасшествия) был хорош для пассивного выживания. Но для активного спасения нужен был план «В». Более тонкий. Более умный. План, в котором её слабость могла бы стать силой, а странность — оружием.

Она прислонилась головой к стене, глядя в потолок темницы, где уже брезжил слабый свет нового дня. Первая попытка побега провалилась. Жалко и нелепо.

Но она не была сломлена. Она была научена.

И это, как ни странно, было началом.

Глава 13

Дни в плену сливались в одно серое, тягучее месиво из страха, боли и унижений. Алиса выживала. Она ела подаваемую ей похлёбку (густую, с кусками неопознанного мяса), пила воду, спала урывками и продолжала свою игру. Она была «Вирджинией с провалами в памяти» — тихой, растерянной, временами бормочущей странные слова на непонятном языке («кофе», «интернет», «дедлайн»), что похитители списывали на последствия удара.

Но внутри она сходила с ума. Беспомощность разъедала её изнутри. План «В» не рождался. Единственное, что она могла делать — наблюдать.

Она узнала, что главного зовут Рорк. Тощего писца — Людвиг. Молодого и глуповатого — Элрик. Были ещё двое — молчаливые братья-близнецы, которых все звали просто Когти, за их манеру драться. Они редко появлялись в её поле зрения, уходили на «разведку» или «в город».

Она подслушала, что «письмо с требованиями» отправлено. Что они ждут гонца. Что «работодатель» доволен пока что, но требует скорейших результатов. И что «план Б» всё чаще обсуждается вполголоса.

— Если король не клонет, на восточных рынках такой товар хорошо идёт. Особенно с её родословной. Можно выдать за чистую кровь для какого-нибудь старого султана, мечтающего о благородных жёнах. — Эти слова, услышанные сквозь дверь, заставляли её кровь стынуть в жилах.

Рорк тоже становился всё более нервным. Ожидание явно действовало ему на нервы. Он чаще пил, его голос звучал резче, а взгляд, когда он заглядывал в темницу, становился всё более оценивающим и холодным.

И вот в тот день всё и завертелось.

Был вечер. Снаружи лил дождь, его шум заглушал все остальные звуки. Рорк влетел в пещеру, сбрасывая мокрый плащ. Его лицо было искажено злобой.

— Гонец вернулся! — проревел он так, что даже братья Когти подняли головы от своего скудного ужина.

— И? — спросил Людвиг, отложив свою вечную записную книжку.

— И ничего! — Рорк пнул пустой бочонок, и тот с грохотом покатился. — Ни ответа, ни привета! Замок наглухо закрыт, усилены патрули, но никакого движения по нашим следам! Никаких переговоров! Ничего!

Тишина в пещере стала зловещей. Даже Элрик понял, что дело пахнет жареным.

— Значит, королю плевать, — констатировал Людвиг, потирая переносицу.

— Или он не верит, что это она. Или верит, но рад избавиться, — Рорк ходил из угла в угол, как тигр в клетке. — Наш работодатель будет не в восторге. Он вложил деньги. Ожидает возврата.

— План «Б», значит? — спросил один из Когтей, и в его голосе прозвучала нетерпеливая жажда действия.

— План «Б»! — зарычал Рорк, остановившись и уставившись прямо на дверь темницы. — Но сначала... Сначала я хочу понять, что за дерьмо мы тут полмесяца кормим!

Он рванулся к двери, с такой силой отшвырнул щеколду, что та слетела с петель, и ворвался внутрь. За ним, как тени, последовали Людвиг и Элрик.

Алиса, сидевшая у стены, вздрогнула и прижалась спиной к камню. Его ярость была осязаемой, как электричество перед грозой.

Рорк встал над ней, заслоняя собой свет факела.

— Встать! — рявкнул он.

Она медленно поднялась, стараясь держаться прямо, сохраняя маску отстранённого спокойствия.

— Вы взволнованы, господин Рорк.

— Взволнован? — он фыркнул. — Я в ярости, королевка. Твой драгоценный мужёк тебя списал. Выкинул, как старую ветошь. Никто не собирается платить за тебя ни гроша.

Удар был ожидаемым, но от этого не менее болезненным. Значит, её расчёт был верен: за подменную душу выкуп не дадут. Теперь наступал «план Б». Сердце упало куда-то в пятки.

— Я не помню мужа, — прошептала она, отыгрывая свою роль в последний, отчаянный шанс.

— Не помнишь? — Рорк наклонился к ней так близко, что она почувствовала запах перегара и пота. — А может, ты и вправду не та, за кого себя выдаёшь? Может, ты вовсе не королева? Может, ты какая-то самозванка, которую подсунули? И из-за тебя теперь весь наш план летит к чертям?!

Его логика, искажённая гневом, была точно в цель. В её худшие опасения.

— Я... — она не нашла слов.

— Она и вправду странная, босс, — встрял Элрик. — То орет про «права», то молчит как рыба, то говорит слова, которых никто не знает.

Рорк выпрямился. Его глаза сузились до щелочек.

— Странная. Да. Слишком странная. Слишком не похожа на ту спесивую стерву, которую нам описывали. Я начинаю думать, что нас надули. И что наш товар бракованный. — Он повернулся к Людвигу. — Что с ней делать? По плану «Б» везти на восток? Но кто купит полоумную?

Людвиг пожал плечами.

— Можно попытаться вылечить. Или избавиться от проблемы и попытаться найти настоящую. Если она жива.

Рорк задумался. Его взгляд снова скользнул по Алисе теперь не как по товару, а как по проблеме, которую нужно решить. И решение, видимо, пришло быстро и было жестоким в своей простоте.

— Ладно. Раз она ничего не помнит, да и не похожа на ту, давай проверим её реакцию по-другому.

Он шагнул вперёд. Алиса инстинктивно отпрянула, но её держала верёвка на шее. Он схватил её за подбородок грубой, мозолистой рукой, заставив смотреть ему в глаза.

— Последний шанс, девица. Кто ты? Где настоящая королева?

В его глазах она увидела не просто гнев. Она увидела азарт охотника, готового забить подранка. Играть дальше было бессмысленно.

— Я не знаю! — выкрикнула она, и это была чистая правда.

Рорк отпустил её с таким презрительным жестом, будто отбросил пададь.

— Значит, брак.

Он повернулся, чтобы уйти. И в этот момент, движимая последним отчаянием, Алиса, забыв всю свою осторожность, крикнула ему вслед:

— Вы не можете просто так! Я человек! У меня есть права! Я требую...

Она не успела договорить.

Рорк обернулся на полном ходу. Его лицо исказила вспышка чистейшей, неконтролируемой ярости. Он даже не выхватил нож. Он просто сжал правую руку в кулак, на которой была надета тяжёлый, железный перстень-кастет с шипами, и со всей дури, коротким, рубящим движением, ударил её прямо в висок.

Мир взорвался.

Не болью. Боль пришла позже. Сначала был звук — глухой, костяной щелчок внутри её собственного черепа. Потом ослепительная, белая вспышка перед глазами. И ощущение падения в глубокий, бездонный колодец, стены которого стремительно удалялись.

Она не почувствовала, как её тело обмякло и безжизненно рухнуло на землю. Не услышала, как Элрик ахнул, а Людвиг хмуро пробормотал:

— Ну вот, добил. Теперь точно брак.

Она уже уходила. Не Алиса. Та, другая. Последние крохи сознания, последние ошмётки памяти, всё, что ещё оставалось от настоящей Вирджинии Тэрзэнвид, королевы без короны, жены без мужа, женщины без жизни.

В этом последнем, стремительном падении в небытие она не чувствовала страха. Чувствовала освобождение.

«Наконец-то. — Мысль была лёгкой, как пух. — Наконец-то конец. Больше не будет холода в его глазах. Больше не будет этой тоски. Больше не будет ничего.»

И она отпустила. Отпустила своё красивое, ненавистное тело. Отпустила свою разбитую, измученную душу. Растворилась в темноте, которая не была ни злой, ни доброй. Она была просто концом.

А в тело, оставшееся лежать в грязи, вливалось что-то другое. Что-то, что было выброшено из своего мира ударом об угол стола. Что-то, что отчаянно цеплялось за жизнь, за любую возможность существования.

Трещина между мирами, открытая синхронностью двух ударов в один и тот же висок, на мгновение зияла, а потом захлопнулась.

На полу темницы лежало одно тело. И в нём, закрепившись с яростной, инстинктивной силой, осталась только одна душа. Сбитая, перепуганная, полная чужой боли и воспоминаний, но цельная. Единственная.

Алиса Сергеева открыла глаза. По-настоящему. Впервые.

И мир вокруг неё был тих, чётко и ужасающе реален.

Глава 14

Сначала было ощущение целостности.

Странное, чуждое чувство после дней раздвоенности, будто треснувший сосуд внезапно спаялся. Боль в виске, та самая, знакомая, пульсирующая, исчезла. Не притупилась, не отступила — её просто не стало. Осталась лишь лёгкая, далёкая болезненность, как от старого синяка.

Алиса лежала на холодной земле, и впервые за всё время её сознание не металось между двумя реальностями. Оно просто было. Здесь. В этом теле. Наполняя его до кончиков пальцев, до корней волос.

Она открыла глаза. Не физически — они и так были открыты, уставясь в потолок пещеры. Она открыла их «внутренне». И мир обрушился на неё не калейдоскопом ощущений, а ясной, пугающей чёткостью.

Она видела каждую трещину в потолке из спрессованной глины. Слышала не просто шум дождя, а отдельные капли, бьющие о листья за пределами пещеры, и тяжёлое дыхание Элрика, стоящего у входа в её темницу. Чувствовала не просто холод, а текстуру влажной земли под щекой, шершавость ткани своего платья, даже биение собственного сердца — ровное, сильное, чужое.

И память... Память хлынула двумя потоками.

Первый — её собственный. Яркий, знакомый: офис, запах кофе, мамины котлеты, чувство дедлайна, скука понедельника. Это была её жизнь. Чёткая, структурированная, конечная.

Второй... Второй был другим. Туманным, обрывочным, как сон после пробуждения. Образы, лишённые эмоций: огромный тронный зал, холодные глаза мужчины (Кристоф... Имя возникло само), скачка на лошади к реке, горький вкус разочарования, ледяное решение в последнюю ночь в замке. Это были не воспоминания, а тени, оставленные другой душой. Они не вызывали отклика. Они были как чужие фотографии в альбоме.

Но они «знали» вещи. Она знала как называется эта страна (Драконий Престол). Знала, что такое «истинная пара» (смутное, магическое понятие о предназначенных душах). Знала, что её тело зовут Вирджиния. И знала, с леденящей ясностью, что та Вирджиния ушла. Добровольно. Окончательно.

Алиса медленно, очень медленно подняла руку. Её руку. Она смотрела на неё. Длинные, тонкие пальцы, без мозолей, с коротко подстриженными, но ухоженными ногтями. На указательном пальце — бледный след от кольца, которое, судя по тени воспоминания, было свадебным. Она сжала пальцы в кулак. Сухожилия напряглись под кожей. Сила была в них. Новая, непривычная сила.

Она была в этом теле. Полностью. Безраздельно. И это тело было её единственной реальностью.

Шок от этого осознания был таким глубоким, что не оставлял места для паники. Паника — это реакция на угрозу. А это был факт. Жёсткий, неоспоримый, как закон гравитации. Ты упал. Вот ты лежишь. Делай что-то.

Голоса за дверью вернули её к внешнему миру.

— ...должен очнуться, — говорил Людвиг. — Удар был жёсткий, но не смертельный. Смотри, дышит ровно.

— А что с ней? — это Элрик. — Такая тихая. Раньше бы уже орала или бредила.

— Шок, — заключил Людвиг. — Мозг защищается. Или...

— Или?

— Или старый ушиб вылечил новый, — прозвучал голос Рорка, мрачный и задумчивый. Он стоял где-то совсем близко. — Бывает. Человек получает по голове, теряет память. Потом получает ещё раз, и память возвращается.

Наступила пауза.

— Значит она теперь помнит, кто она? — спросил Элрик.

— Посмотрим, — сказал Рорк.

Щеколда звякнула. Дверь открылась.

Алиса не стала притворяться. Она просто повернула голову и посмотрела на вошедшего Рорка. Её взгляд был чистым, ясным, без намёка на прежнюю истерику или растерянность. Она видела его — жестокого, практичного мужчину, своего тюремщика. И оценивала его теперь с новой, холодной точки зрения: не как жертва, а как попавшая в беду женщина, которая только что обрела твёрдую почву под ногами. Пусть эта почва была дном ямы.

Рорк встретился с ней взглядом и замер. Что-то изменилось. Он почувствовал это сразу. Исчезла та «не здесь присутствующая» пустота в глазах. Не появилась ненависть или страх. Появилось внимание. Острое, живое внимание.

— Ну что, королевка, — проговорил он, скрывая своё удивление под маской грубости. — Вспомнила наконец, как тебя зовут?

Алиса не ответила сразу. Она медленно села, опираясь на связанные за спиной руки. Её движения были уверенными, без прежней скованности. Она почувствовала, как платье скользит по коже, как волосы падают на плечи. Это было теперь её.

— Воды, — сказала она.

Голос звучал твёрже. Не командовал, а констатировал потребность. Тон женщины, привыкшей, что её просьбы — это приказы.

Рорк обменялся взглядом с Людвигом. Тот почти незаметно кивнул. Элрик побежал за водой.

Пока Алиса пила, Рорк изучал её.

— Так кто ты?

Она поставила пустую кружку на землю. Смотрела прямо на него. Внутри не было готового ответа. Но был инстинкт выживания. И та самая тень воспоминаний, которая теперь была её справочным материалом.

Я — Вирджиния, — произнесла она ровно. Имя на языке было чужим, но звучало правильно. — Жена короля Кристофа. Вы похитили меня по дороге в храм.

Она говорила факты, которые знала из обрывков памяти. Никаких эмоций. Никаких обвинений. Просто констатация.

Рорк хмыкнул, но в его глазах мелькнуло удовлетворение.

— Вот видишь, а то бредила тут про какие-то «офисы» и «Москву». Удар головой — штука серьёзная.

— Серьёзная, — согласилась Алиса. Её разум работал на пределе. Она должна была сыграть эту роль безупречно. Не сумасшедшую. Не жертву. А королеву, попавшую в плен. Гордую, но разумную. Ту, которая понимает правила игры. — Вы отправили требования на выкуп. Ответа нет.

— Нет, — подтвердил Рорк.

— Значит, вы рассматриваете другие варианты. План «Б». Продажа на восток.

Рорк насторожился. Он не ожидал такой прямолинейности.

— Ты умная, внезапно.

— Я наблюдательная, — поправила она. — И я понимаю, что для вас я — товар. Но товар может быть разного качества. Безумная, истеричная королева на восточном рынке будет стоить дешевле, чем королева в здравом уме, которую можно убедить сотрудничать.

Она сделала паузу, позволяя словам зависнуть в воздухе. Это был риск. Огромный. Но игра в беспомощность себя истощала.

— Сотрудничать? — Рорк усмехнулся. — В чём?

— Я не знаю. Это ваша область. Но если вы хотите получить максимум прибыли, вам нужен товар в презентабельном виде и с гибким отношением к ситуации. Я могу быть таким товаром.

Она говорила это, и внутри всё сжималось от отвращения к самой себе. Но это был единственный путь. Купить время. Заставить их видеть в ней не проблему, а актив. Пусть ужасный, циничный, но актив.

Рорк долго смотрел на неё. Людвиг что-то записывал в своей книжке, его мозг явно просчитывал варианты.

— Интересно, — наконец сказал Рорк. — Очень интересно. Значит, третий удар по голове сделал из тебя не только адекватную, но и деловую женщину. — Он встал. — Хорошо. Покажи, на что способна. Не будешь выть, пытаться сбежать, нести чушь — условия содержания улучшим. Может, даже верёвки снимем. Не покажешь... — он не договорил, но смысл был ясен.

Он вышел, оставив дверь открытой. Элрик остался на посту, смотря на неё с новым, смешанным уважением и страхом.

Алиса осталась одна. Дрожь, которую она сдерживала, прорвалась наружу. Её трясло мелкой, неконтролируемой дрожью. Она только что продала душу дьяволу. Или, по крайней мере, начала переговоры о её цене.

Но она была жива. Она была в своём уме. И у неё был план. Теперь не «Б» и не «В». Теперь это была просто стратегия выживания. Шаг первый: заставить их поверить, что перед ними — расчётливая, прагматичная Верджиния, которая предпочитает договор конфронтации. Шаг второй: выиграть время. Шаг третий... Шаг третий она придумает позже.

Она откинулась на стену, закрыла глаза. Внутри не было ни Вирджинии, ни Алисы в прежнем понимании. Была новая сущность. Напуганная, циничная, готовая на всё, чтобы выжить в этом жестоком, новом мире.

Она назвала эту сущность просто: «Я». И этому «Я» предстояло пройти через ад, чтобы найти выход. Или научиться в нём жить.

Глава 15

Утро пришло с запахом дыма, влажной земли и чьих-то щедрых похмельных испарений. Алиса – или то, во что она превратилась, – провела ночь не в беспамятстве, а в странной, холодной ясности. Она мысленно репетировала каждое движение, каждую интонацию. Она была актрисой, готовившейся к роли на бродвейской сцене, где провал означал не свистки, а нож в горло или продажу в рабство.

Когда Элрик, красноглазый и не выспавшийся, принёс завтрак – ту же серую похлёбку в деревянной миске, – она уже сидела, прислонившись к стене, с прямой спиной и взглядом, устремлённым куда-то в пространство над его головой. Не высокомерно, а отстранённо, как подобает знатной даме, размышляющей о чём-то важном.

— На, ешь, — буркнул Элрик, сунув миску ей в поле зрения.

Алиса медленно перевела на него взгляд. Не испуганный, не умоляющий. Спокойный, оценивающий. Она кивнула, как королева могла бы кивнуть слуге, подтверждая, что его услуга принята к сведению.

— Спасибо, — сказала она тихо, но чётко.

Слово «спасибо» застряло в горле, благодарить похитителя было абсурдно. Но это был жест. Жест «новой» Вирджинии — прагматичной, принимающей реальность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.